

Владимир Казаков Воскрешение на Патриарших

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

18 +
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Книжная полка Вадима Левенталя

Владимир Казаков

Воскрешение на Патриарших

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Казаков В.

Воскрешение на Патриарших / В. Казаков — ИД «Флюид
ФриФлай», 2019 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-906827-29-6

В руках у главного героя романа оказывается рукопись небольшой повести о Москве семидесятых. В персонажах повести герой с удивлением узнает друзей своей юности – он понимает, что никто посторонний не мог в таких подробностях описать его собственную бесшабашную молодость. Разгадка требует ответа, но сам ответ, возможно, вызовет еще больше вопросов... Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-29-6

© Казаков В., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Воскрешение на Патриарших	6
Первая глава	6
Вторая глава	12
Третья глава	19
Четвертая глава	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Казаков

Воскрешение на Патриарших

© В. Казаков, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

© П. Лосев, оформление, 2019

* * *

Воскрешение на Патриарших

Первая глава

– Вчера был странный день: сначала я проехала в метро. Машина в сервисе. Ко мне подсел очень интересный мужчина, наклонился к уху и сказал: «Можно я тебя дерну за косичку?» Ты меня слушаешь?

– Конечно, Жень, – ответил Игорь, зажал плечом трубку и попытался достать сигарету. – Слушаю, слушаю.

– Ну вот, он и говорит, а что такого, он, мол, преподаватель консерватории и у него хорошее настроение. А я ему ответила, что если он сейчас это сделает, я его укушу! Потом дочь призналась, что хочет выдать меня замуж за мужчину с ребенком ее возраста, потому что ей скучно. Потом бывший муж предложил опять выйти за него замуж. Представляешь?! Потом друг моей подруги часа три изливал душу по телефону и буквально заставил, чтобы я тоже открыла бутылку вина. И выпивала с ним по телефону. Для лучшего понимания. Потом он прислал очень интересный текст.

– Да просто жуть, – Игорь наконец прикурил и сел в кресло. – Что за текст?

– Да это не важно! Интересный. Может, мне правда выйти замуж еще раз?

– За друга подруги?

– За преподавателя консерватории! Ты чего там, совсем?! За мужа бывшего!

– Понимаешь ли, Женьк, если ты выйдешь замуж за собственного бывшего мужа, то твоей дочке по-прежнему будет скучно, потому что ребенок ее возраста – это она и есть.

– Да?! Ну да. Чет я не доперла. Ай, да ладно. Собственно, чего я звоню: этот друг, ну Митька, хочет, чтобы ты почитал текст.

– Нафига? Не, Жень, ну его. Я так спросил.

– Там роман. Я полистала, интересно.

– Тем более роман. Зачем мне дурь всякую читать?

Женя радостно захихикала:

– Точно, дурь – прям из дурки! Митька – врач, психиатром устроился в дурку. В семнадцатую. Наркологическую на Варшавке, знаешь?

– Слышал. У меня там приятелей провалялось – полк, не меньше. Ну и что твой Митька написал нового из жизни алкашей?

– Да это не он написал. Он там всего два месяца работает. Принимал отделение, то-се. И рукопись эту нашел, из алкоголического творчества. Там здорово – я сама местами зачиталась. Ну, слать тебе? Он очень просил меня тебе подсунуть. Ты же в этом сечешь.

– В алкоголиках или рукописях?

– Да какая разница! Ой, слушай, подруга только что в аське написала: одна девушка просыпается в три часа ночи в студенческом общежитии от дикого смеха. Она идет в комнату напротив, откуда и раздается смех. Заходит и видит, что на полу сидит сокурсница и хохочет, на кровати под одеялом прячется молодой человек. Девушка спрашивает: «– Вера, что случилось? – Представляешь, трахаюсь с этим чудиком и спрашиваю: ты кончаешь? А он мне говорит: – Нет, я еще только на первом курсе». Смешно, правда? На первом курсе... все, посылаю текст и убегая. Чмоки!

На экране ноутбука, стоявшего на журнальном столике, тренькнув, замигал конвертик. Игорь кинул трубку на кровать и, елозя задом, начал двигать кресло к столику. Можно было встать и подвинуть, но тогда надо тащить и пепельницу, а это сильно ломает. Лень. А можно дотянуться и наоборот, подвинуть столик к креслу...

Игорь наконец закончил сложные телодвижения, выдохнул, почему-то утомившись этим дурацким процессом. Подвел стрелку курсора к конвертику. В прихожей заблеял домофон. Придется все-таки встать!

– Ну...

– Надевай штаны. И мы шагнем шире, чем Монголия. Я внизу!

Навязчиво бодрый голос его приятеля Николаши совершенно не подразумевал иной трактовки действий. Игорь и сам это прекрасно понимал, поэтому, не ответив, поплелся надевать штаны и прочую походно-разгулянную дребедень типа майки, кроссовок.

Если Николаше отказать, он ввалится в квартиру и пьянка вспыхнет здесь, у него. А это совершенно ни к чему. Что пьянка неминуема, как лошадь Пржевальского, это было ну совершенно понятно. Пока Игорь спускался в лифте, у него шмыгнула мысль: при чем здесь лошадь Пржевальского?! Наверное, при том же, при чем у Николаши – Монголия.

Шагнув из подъезда в сладкую вату послеобеденной жары, Игорь сразу же уткнулся в притоптывающего на самом солнцепеке Николашу.

– Сколько можно ждать?! Я тут... а ты... там... – круглое, немного веснушчатое лицо приятеля обидчиво плавилось гуттаперчевой маской. – С утра терплю, а ты...

Он подрагивающей потной рукой раскрыл слипшийся пластиковый пакет. Там как-то погибше и жалостно, в тон Николашиного настроения, терлись боками две бутылки дешевенького вискаря «Белая лошадь». Игоря тоскливо передернуло:

– Эх...

И друзья обреченно зашагали в сторону парка, где липы, здоровенные лиственницы, тень, пруды с дежурными грязноватыми утками и демисезонными рыболовами. И вообще воля.

Николай Рябушинский, или, как его звали все, Николаша, был оболтусом в полном расцвете сил. Лет пять назад у него удачно вышла книжка, что-то из научной фантастики а-ля Стругацкие. После чего он похерил журналистику. «Именно похерил, а не бросил», – всегда нравоучительно, для верности почему-то загибая указательный палец, говорил он. И стал строить романы. За эти годы он умудрился написать штук десять. И из жизни ацтеков, викингов, инопланетных вампиров, и еще черт знает что.

Самое забавное, что этот бред регулярно печатали. Что позволило Николаше в третий раз жениться и регулярно нажираться до комариного писка.

Друзья были знакомы лет пятнадцать, еще по совместной работе в одном издании, поэтому Игорь не без напряжения, но довольно понимающе относился к Николашиным заскокам.

– Стоп, стоп, стоп, – выдохнул Николаша шагов через пятнадцать. – Товарищ! Я вахту не в силах стоять...

– Сказал кочегар кочегару? – ухмыльнулся Игорь. – Хрен с тобой, жри здесь!

Николаша жалобно прижался к раскаленной кирпичной стене дома, порывлся в пакете, дрожа, сорвал пробку с бутылки вискаря и шумно глотнул. Игорь отвернулся:

– Жуть-то какая...

Рябушинский хотел протереть нос рукавом, занюхивая, но промахнулся, поэтому тупо заелозил джинсовкой по подбородку. Обнажилась волосатая Николашина рука. На ней шариковой ручкой было что-то написано. От пота чернила текли, и разобрать было сложно.

– Это что еще? – ухмыльнулся Игорь, повернувшись наконец к другу.

Николаша удивленно проследил за его взглядом. Задрал еще раз рукав. Расплывшаяся сизая загогулина от запястья почти до плеча гласила: «Опыт сын ошибок трудных».

Игорь непроизвольно хрюкнул от смеха. На сморщенной от солнца стене вздрогнули полусонные мухи. Игорь смотрел на растерянное лицо Николаши, изучающего надпись, и уже хохотал в полный голос. Рябушинский обреченно вздохнул, мотнул головой и глотнул из горлышка еще:

– Не вздумай спросить, откуда это на мне. Не зна-ю!

Давай активней, на твой чертов пруд, в тенек, пока я хоть ковыляю. Все. Во-он до той пихты и все.

Приятели бухнулись под дерево. Рябушинский немедленно свернул голову вискарю и жадно забулькал.

– Опять запой, что ли... – Игорь по возможности аккуратно вырвал из пальцев приятеля теплую бутылку и вдохнул пару глотков вони в желудок. Жидкость внутри тела съежилась, а потом резко выпрямилась. Он закашлялся.

– Ну да. Со среды как фантик. А сегодня у нас что? Пятница вроде, – Николаша прислонил голову к дереву. – Но не просто сю-сю-сю! По делу запой! Знаешь, только на днях узнал. И буквально остолбенел. Просто голова кругом идет...

Игорь глотнул чуть еще. На этот раз жидкость не стала вставать в позу, так, пометалась для приличия в организме и затихла.

– Что случилось-то?

– Представь. Сiju спокойно, строчу про отважных звездолетчиков. С утра пол-листа наваял, нет, даже больше, тысяч тридцать знаков, думаю, такими темпами за пару недель закончу все к едреней фене, передохнуть решил, включил радио, налил чаю. Слышишь, чаю! Именно! А там и говорят вдруг по радио: «Наступившее глобальное потепление катастрофически уменьшит размеры животных». Всех! Ка-та-стро-фи-чес-ки! Там как-то изменяется объем жидкости в организме... Короче, если так пойдет, то скоро слонов можно будет, как в старых фильмах, ставить в рядок на шкафу. Только не фарфоровых, а живых. Представляешь? А во что же тогда превратятся хомяки или птицы колибри? Ну я, конечно, в магазин. Дома давно не держу, ну, когда работаю, во избежание... Ну и пошло-поехало. И вот я тут...

И без малейшего признака улыбки, с реально скрюченным от горя лицом, полулежащий Николаша обреченно махнул рукой вдоль тела, визуальнo демонстрируя «и вот я тут...». И выхватил бутылку у обалдевшего Игоря.

Дальше встреча друзей продолжалась по устоявшимся веками принципам неожиданной бессмыслицы. С накатом, налетом, надломом пьянка ширилась, заполняя весь парк легким дыханием сиюминутного раздолбайства, взлетала далеко-далеко в небесную высь, иногда шмякаясь лицом в жухлую и горячую от солнца траву. Потом Рябушинский во время очередного похода в магазин исчез, а Игорь пополз домой.

«Что-то мало стал гулять по городу, – думал он, через силу перебирая ногами. – Почему? Раньше только и делал, что гулял. Может, из-за отторжения новой Москвы, изуродованной до кариеса. А может, из-за отсутствия идеи. Это в юности можно безыдейно шлаться, даже не задумываясь, куда и зачем. Возраст дает никому не нужную осмысленность. Причем все равно продолжаешь шататься не пойми с кем и непонятно зачем, с тем же Николашей, только делаешь это уже осознанно. И ужасаешься этому. А вообще, в поисках себя последнее время предпочитаю не ходить, а ездить. В троллейбусах, трамваях и на такси. Странно. Идея прогулки трансформируется в движение. Движешься и смотришь по сторонам. Вот тебе и сверхзадача».

На автомате Игорь поднялся по крыльцу в подъезде, набрал код, вошел, вызвал лифт. С трудом открыв дверь в квартиру, он дополз до кресла и рухнул в него. Через секунду он спал.

Ему снился странный сон, иногда заставлявший его гулко вздрагивать. Отчего сидевший рядом кот тоже вздрагивал и недоуменно поднимал голову.

В этом сне Игорь ехал на заднем сиденье десятки «Лада» и водила лет тридцати, ежесекундно кивая, вдохновенно нес ему о засилье азеров в Одинцово. Игорь кивал в ответ, больше для непонятного приличия, чем реально слушая парня. А может, он прав? Может. А кто сейчас не прав в национальном вопросе?! Все.

«Десятка» засопела и уткнулась в чью-то огромную автомобильную спину. Игорь осмотрелся. Людей вокруг не было совсем. Только машины и улица. Точнее, переулок.

Кованая решетка перед огромным особняком вертелась и извивалась современными лилиями. Несомненно, это была поздняя осень. Да, Игорь это понял во сне очень четко. Ровное и холодное ноябрьское солнце работало лампой дневного света. Оттого переулок выглядел операционной. Мертвецкой. Ехать надоело, и он вышел из машины.

Слева и справа от монументального входа в здание, находящегося чуть в глубине от линии переулочка, чернели рубцы обнаженной земли. Два симметричных палисадника даже по расположению грязных пятен полурастаявшего снега казались близнецами. И походили на две театральные сцены с задниками и кулисами в виде причудливо изогнутых окон и стен особняка.

Из грязноватого одеяла полусохшей травы торчали серебристые, с чуть розовым оттенком, метелки мискантуса. Китайский камыш, как его обычно пренебрежительно называют. Эти злаки часто украшают клумбы в городах, давая даже поздней, уже почти безлиственной осени радость рыжего цвета. Рядом прямо на земле распластались лопухи бадана. Его мясистые зеленовато-бурые листья с трудом выкарабкивались из-под редких островков снега, создавая иллюзию альпийского пейзажа.

«Странно, – подумал во сне Игорь, – я никогда не знал слова „мискантус“, тем более „бадан“, а вот вижу эту капусту и точно знаю, что это все именно оно и есть».

Другие неведомые ему растения на этой клумбе уже превратились в сор и сено, и распознать, какие краски, какая жизнь бушевала тут летом, было уже сложно. На стене гирляндами уныло болтались лианы девичьего винограда. Выглядели жалко. Как остатки праздника, как забытые и истрепанные конфетти на новогодней елке, которую забыли убрать к концу января. Сходство с отслужившими свое елочными украшениями добавляли разбросанные по стене грозди винограда. Не доклеванные разжиревшими на людских помойках воробьями и галками.

Вообще, дикий, девичий виноград – это типично старомосковское, очень щемящее душу растение. В Москве он был всегда, его любили, им гордились. Он был как мандарины на Новый год в советское время. Экзотический, маняще-нездешний, но все равно привычный и родной. Эти лианы, эти струящиеся по стенам светло-коричневые змейки, отороченные яркой листвой, придавали любой загаженной развалюхе очертания рыцарского замка. И напоминали о детстве.

Стоп. Игорь внимательно посмотрел на особняк и палисадник. Господи, да он же прекрасно помнит этот дом, этот виноград на стене. Точно. Вот эти гнутые окна в стиле венского модерна, вот подъезд, стилизованный под барскую усадьбу. Квадратные каминные трубы на крыше.

«Сколько же лет назад это было? – изумился Игорь. – Никак не меньше сорока. В школу я уже ходил. Вот здесь за углом, направо, поднимается на косогор Петровка. Это моя дорога в школу». А если свернуть налево, а потом направо, то войдешь в переулок, в котором он прожил детство.

Еще больше поразило Игоря то, что он понимает, что он спит, что это сон. И поэтому беспокоиться не о чем. Странное, загадочное чувство. И он, понимая, что спит, начал вспоминать свою реальную жизнь. Или так казалось ему, что реальную, а на самом деле...

Он четко увидел тот вечер, много-много лет назад, отец принес с работы ежика. Настоящего, живого. В то время отец после истфака служил двухгодичником, командиром роты в Подмоскovie, где-то неподалеку от Внуково. Солдаты поймали бедную животину, а дальше еж был реквизирован и доставлен Игорю. Это было счастье. Чудо. Как всякий приличный ребенок, после просмотра мультфильма про Малыша и Карлсона – он тогда только-только вышел – Игорь мечтал о собаке. Но собака в коммуналке с десятью комнатами и двадцатью двумя соседями как-то не приветствовалась. А тут еж! Даже лучше. Потому как ежа ни у кого во дворе не было. Даже друг Пашка расстроился – голубятня его отца, предмет Пашкиной гордости и зависти всех мальчишек на пять домов вокруг, как-то поблекла по сравнению с Игоревым ежом. Голу-

бятни тогда были если не в каждом дворе, то две-три штуки на улицу точно. Обычное дело – запускать голубей в центре Москвы.

Ежу для жительства был определен ящик из-под посылок. Кстати, почему-то пропали из обихода эти фанерные ящики. Раньше они были в каждой семье. Новому жильцу было торжественно налито в блюдечко молоко. И началась совместная с ежом жизнь.

Игорь во сне подумал, что художники, изображавшие ежей в советских мультиках мудрыми, работающими и дружелюбными созданиями, умышленно гадили в неокрепшие души наивных детей вроде него. Никакого отношения мультяшный мудрый ежик к реальности не имеет! Его еж оказался довольно хамоватым созданием, отказывающимся не только носить на иголках яблоки, но даже есть их! Равно как и грибы, апельсины, картошку, мороженое. Колбаса докторская у него тоже не вызывала энтузиазма, но к ней он хотя бы принимался.

Короче, тот еж не жрал. Видимо, хоть как-то ему не давали умереть местные тараканы, которые в коммунальной квартире вольготно жили параллельной с остальными прописанными жильцами жизнью.

Как бы то ни было, еж озлобился до крайности. Выбирался из коробки, иногда даже норовил укусить, демонстрируя явное недовольство своим положением. А еще еж шумел. Это, конечно, надо слышать. Он храпел, сопел, сипел, кашлял, чихал, выл, сопровождая все это оглушительным топотом по комнате. Дня через три пребывания ежа в шестнадцатиметровой комнате взвыли уже родители. Но Игорек, воспитанный на рассказах Бианки, терпел и стойчески демонстрировал любовь к собратям по планете. Наконец, через недели полторы еж разодрал в клочья упавшую с вешалки парадную фуражку отца, и его участь была решена.

Игорь плакал. Нет, это слабо сказано. Рыдал взхлеб. Отец взял ящичек с ежом, и они пошли именно сюда. Вот к этому дому с диким виноградом, который сейчас был перед ним. Тогда это было лето. И все пространство перед окнами особняка – тогда это было министерство какое-то, что ли, – густо заросло разными травами, кустами, цветами. Настолько, что, чтобы увидеть почву, нужно было долго раздвигать спутавшиеся растения. Отец перевернул коробку, и радостный еж шмыгнул во тьму этого крошечного рая. И исчез. Маленький Игорь долго смотрел и смотрел в зеленую кутерьму клумбы. Тишина. Отец потянул его за руку. Они вышли из двора.

– Понимаешь, здесь ему лучше, – сказал он, стараясь не смотреть в заплаканное лицо ребенка.

Игорь этого как раз не понимал. «Как же так?! Как же ему может быть лучше без меня?!» Он его любил, давал яблоки, мороженое и вообще. Да, он не ел, но, может, со временем все бы изменилось. И они бы подружились. И еж бы, смешно пыхтя, носил яблоки у себя на иголках.

Но отец был прав. Игорь это понял много позже. Есть существа, люди, ежи, да разные, которым действительно хорошо без него. Им просто так лучше. Это их жизнь, какая есть, сложная, неустроенная, но их. И ему не стоит влезать внутрь их бытия. А если уж так получилось, вовремя понять, остановиться и отойти в сторону. Выпустить. И всем будет хорошо. Наверное.

Он смотрел на жухлую паутину припорошенной травы и все ждал, что вот-вот зашуршит прелая листва и оттуда покажется хитрая мордочка того самого ежа. Да-да, именно того. Которого он выпустил здесь сорок лет назад.

Игорь вздрогнул и очнулся. Он валялся в кресле. На ногах укоризненно торчали нерасшнурованные кроссовки. За окном светились фонарями ночь. Сон был настолько реальным, что первые мгновения он ничего не видел из-за заполонивших пространство взгляда слёз. Какая хрень!

Перед ним горел экран ноутбука. Он увидел вдруг Женино письмо, пришедшее еще утром. Ткнул. Письмо открылось. Там было написано: «„Несколько дней одного года“ роман». Игорь хмыкнул и в полудреме полистал текст, ничего не понял и выключил компьютер. Он разделся и уже всерьез залез под одеяло.

«А все-таки интересно, может, тот еж и правда жив, там, в том переулке... Или это сон? Да нет, был у меня еж. И выпускал его. Почему вспомнил? А вдруг и правда жив?! Мы бы встретились, он бы меня признал, поговорили... – Смешно, как ребенок, ну бред же! – говорил Игорь сам себе, – тот еж сдох через неделю после того, как ты сунул его в этот палисадник! Не живут они по сорок лет! В школе же биологию проходил. Фигня. Я же жив. И тот ежик будет жить, пока я жив».

Игорь улыбнулся и за мгновение до того, как рухнуть в тяжелое, пьяное небытие, успел подумать: «Надо прочитать роман» и «Какой странный сон».

Вторая глава

«Несколько дней одного года»

День первый

Край кирпича был как бы откушен, а по его черным заветренным деснам ползла божья коровка. Она ползла, ползла, ползла... На самом краю с треском расправила крылья и улетела. Я вздрогнул, и в мозг рухнул шум города. За ним – свет. Ворвавшись, звуки, вспышки замесались туда-сюда, пинг-понг, пинг-понг, заставив меня трясти головой, как бы отмахиваясь от назойливой мухи.

В выжженной проплешине травы, похожей на окруженную запекшейся кровью коленку ребенка, проехавшегося ею по асфальту, дымились остатки костра.

Последние воспоминания вчера – сортир со старорежимной цепочкой, которую надо было дергать, дергать... Унитаз вырвало ржавой водой, он шумно и обреченно вдохнул воды еще и затих.

Попытка пошевелить плечами была зверски провалена. Тело ныло, зудело, в районе копчика вообще что-то активно покалывало. Неужели прямо на улице срубился?! Ужас-то какой! Вчера же все нормально было, ну вроде же домой ехал, или еще пили чего-то...

Уличная кутерьма медленно, но целеустремленно заводила в голове большой адронный коллайдер.

Какой дурдом! Откуда в таком состоянии еще и мысли о каком-то дурацком коллайдере? Будь проклято информационное общество, где всю глупость, накопившуюся в тупых журналистских мозгах, ежедневно и ежечасно вываливают тебе на голову.

Вот прочитал же где-то про коллайдер, и что: до Страшного суда, который теперь уже точно неизбежен, я обязан хранить в голове сведения о какой-то идиотской установке?

Ох, а что если... а что если... все то, что мы пишем, творим, выдумываем, это и есть описание того самого неведомого Страшного суда?! Иначе зачем Господь дозволил, чтобы человек занимался такими глупостями? Ну нет логичного объяснения того, что люди веками всякую дурь сочиняют и сочиняют. А так – вроде делом заняты. Страшный суд прописывают. Типа, послушание такое. А потом, в час «X», согласно утвержденному протоколу... Жуть-то какая.

От криканий и переворачивания тела обильно выступили слезы. Так. Теперь надо сорентироваться. Эх, вот если бы сейчас раз – и у меня в руках очутился навигатор, который весной подарил Ольге. Вот потыкал пару кнопок и – бац, точно понял, где это я валяюсь.

Да, но если он у меня и был, этот чертов навигатор, все равно бы уже восемьсот раз потерял. Как бесконечные мобильники – какой у меня по счету? Восемнадцатый или девятнадцатый. Стоп, а сейчас?

Мобильника не было. Я осторожно осмотрелся. Передо мной по реке медленно полз, зарываясь носом, прогулочный пароходик «Москва». За гранитной облицовкой берега, на той стороне, торчал желтый карандаш Софийской церкви с ластиком-куполom наверху. Плечи подпирала огромная грязно-бурая стена. Внутри что-то охнуло. В подтверждение моих охов в воздухе ударил знакомый с детства перезвон на Спасской башне.

Кремль! В смысле, кремлевская стена. Подпорка моей сутулости – кремлевская стена. О господи!

Та-ак, надо сматываться, причем резко... Интересно все-таки, почему меня здесь до сих пор не свинтили? Как же ФСБ или как там ее, Федеральная служба охраны, что ли... Вот в стране бардак! А вдруг я террорист? Или, как его, борец за независимость Западной Сахары. Надо валить, валить. Пока тут...

На набережной было на удивление мало машин. Метрах в ста пятидесяти, левее, чуть тормознув на остановке, лениво охнул троллейбус.

Ага, точно, 16-й... сейчас на него, он вроде до Садового кольца идет или... Да куда-то же он идет. Да без разницы!

Кое-как запихнув в карман валявшуюся у костра пачку сигарет, поковылял к дороге. У остановки последний раз обернулся. Кострище уже скрыла трава, только дохловато-рванный дымок у стены обозначал мое ночное присутствие.

Уже на ступеньках троллейбуса я понял, что денег-то нет. Даже мелочи. А ведь были же, были – и рубли, и евро. Пьянь!

Но у самого прохода в салон вдруг радостно заметил, что нет дурацкого табулятора. Или не табулятора. Или валидатора. Ну как эта дурь называется, с рычагом для прохода. Хоть в этом повезло. Можно не платить. И не собачиться с водилой. Наверное, сломался, как обычно, и не заменили. Но все равно, как же я без денег-то, кусок дебила... И мобильник тоже, видимо, тью-тью... Ладно, выскочу отсюда, а там где-нибудь тачку поймаю, дома-то деньги есть. Вроде.

Пара сосисок, нет, пожалуй, сарделек длинного троллейбуса, задрожали, закряхтели, вздрогнули, прогнулись посередине и поволоклись вперед.

Народа в салоне было мало. Можно сказать, почти не было. Какой-то дедок в блестящем от ветхости пинжаке – именно пинжаке, а не пиджаке, – переплетая сизые вены рук на выставленной перед ним клюке, безучастно смотрел в окно. Сзади маячил кто-то еще, вроде женского пола. И все. Я упал где-то перед дедом и бессмысленно похлопывал глазами в такт мелькающим в окне деревьям.

Значит так, нажрался. Опять. Но как сюда-то? А менты... Ага. Не помню. Ну и ладно. И где же все-таки был? Девки какие-то, музыка... Ай, да ладно. Отваляюсь, потом само вспомнится. Или позвонит кто, расскажет. Как пить-то хочется. Ольга. Что Ольга? Может, звонил ей опять невменяемый? Может. А может, и нет. Все-таки я дебил, дебил, дебил! Трижды. Тебе все давно и внятно объяснили. Если что и было, то прошло.

«Было, было, было, и прошло, и прошло...»

Что за дурацкая мелодия?!

«...И прошло, и прошло...»

Глаза, до этого лишь регистрировавшие бессмысленность происходящего за окошком, вдруг замерли. Я очнулся. Привычный контур пейзажа был сломан. Но сломан странно. Вроде бы чего-то явно не хватало, но, в то же самое время, все как раз было на месте. Тряхнул головой.

Что же не так? Ну явно же. Но что? В груди, чуть правее сердца, отвратительно быстро что-то завертелось. И пополз страх. И с диким равнодушием ужаса я понял. Храма Христа Спасителя не было. Совсем. На его месте над огромным пространством бассейна «Москва» играла музыка.

«Как провозжают пароходы... Совсем не так, как поезда...»

Я смотрел еще и еще, зачем-то оглядываясь на старика и возрастную девку на дальнем сиденье, словно сравнивая наличие их, живых людей, и отсутствие Храма Христа Спасителя.

«Морские медленные воды... Не то, что рельсы в два ряда... Вода, вода, кругом вода...»

Сквозь открытое окошко троллейбуса музыка звучала ярко. И на утреннем солнце даже как-то выпукло. Как будто пыталась доказать мне реальность происходящего вокруг кошмара. А что это кошмар, я уже не сомневался.

Троллейбус повернул, поднимаясь в горку к Кропоткинской. Я уже увидел, чуть сверху, иссиня-прозрачное небо, отраженное в громадной чаше бассейна, купающихся людей в крас-

ных, зеленых, желтых шапочках, гирлянды белых пенопластовых поплавков, по школьному разлиновывающих воду на сектора. Утренний свет, соприкасаясь со светло-салатовым кафелем бортиков, ударял в глаза серебристой четкостью картинки. Я смотрел на улыбающиеся головы, руки, много рук, беззвучно сверкающих во взмахах и гребках. Временами казалось, что даже слышу смех, да-да, их смех, этих людей! Или нелюдей.

Троллейбус затормозил. Я выпрыгнул прочь. Мысли растягивались, не поспевая за телом, и когда, наконец спрятавшись за киоском, я тормознул, они догнали голову и шумно, как резинка, хлопнули. Втянув голову в плечи, я медленно закрыл глаза, подождал и так же осторожно открыл их.

Утренний бульвар был распахнут настежь. Единственная аллея светилась пустотой. Из-за поворота, метров через сто после арки метро, где Гоголевский бульвар изгибается вправо, показалась женщина, за ней скакала маленькая девочка в панамке. Женщина остановилась, обернулась и, видимо, что-то сказала ребенку. Потому что девочка заревела, протянула матери ручонку, а другой стала возюкать по лицу. Я слышал ее плач. Слышал!

Ничего не понимаю. Похмелье такое? Или я сплю еще? Так ведь бывает, бывает. Казалось, сердце трепыхается везде – в голове, ребрах, коленях, пальцах ног и даже в набухшем от жажды языке.

Этот набитый журналами и газетами киоск-ветеран сейчас был для меня норой, бойницей, спасительной дверью, спрятавшись за которую я пытался разглядеть этот неведомый страшный и неожиданный мир. Я вжался щекой в его облупившийся красный каркас и не дыша, словно боясь что-то потревожить, смотрел на болтающиеся туда-сюда двери станции метро.

Наконец оттуда вышел мужчина лет тридцати пяти, остановился, достал синюю пачку «Космоса», спички, прикурил, бросил пустую пачку в урну, постоял, а затем прошел мимо меня к ряду автоматов с газированной водой. Только сейчас я заметил справа от себя автоматы с водой – штук десять в ряд. Человек подошел, кинул монетку в щель. Автомат заурчал и выплюнул газировку в стакан. Черт, как же хочется пить!

Вдруг я увидел себя как бы со стороны, точнее, сверху, почти топографически четко: рядом с полудугой вестибюля метро, на самом краешке бульварного изгиба, прижавшись лицом к киоску, дрожит человек и боится сделать шаг.

Мужик отстраненно посмотрел на небо, затем на шипящий стакан воды, выпил, как-то внутренне улыбнулся. Глаза его чуть заискрились, и он, шумно охнув, опять поставил стакан и еще раз бросил монетку. И снова выпил. Облизнув треснувшие губы, не ведая, что творю, я оторвался от киоска и, пошатываясь, приблизился к нему. Мелькнув взглядом, человек поставил стакан, кинул копейку и протянул мне газировку. Я шумно глотнул. Он налил еще. Я опять проглотил. Шипучка шмякнула в голову. Некоторое время мы стояли молча. Потом я спросил:

– Какой сегодня день?

Парень опять внимательно, но с усмешкой, пробежал по моему лицу.

– Да суббота!

Точно. Нажрался-то я вчера, в пятницу.

– А число?

– С утра было девятнадцатое. Мая. Вчера получка была. Раньше дали, двадцатое-то воскресенье. Похмеляться будем? А то ты так и год спрашивать начнешь!

Виталик, – мужик, смеясь, протянул руку.

Я аккуратно ее пожал. Его ладонь была чуть влажная, наверное, от стакана с газировкой. Именно эта влажность заставила меня поверить, что передо мной живой человек. И все это – не галлюцинация.

Виталик уже толкал меня к переходу около булочной на углу.

– Да ерунда, что у тебя денег нету: я же по лицу вижу – свой человек. И плохо ему. Надо поправить! Я вчера тоже дал шороху! Сейчас придумаем. До одиннадцати еще околеть можно. Надо к Люське, на Зубовскую, в угловой гастроном. У нее портвейн по трешке должен быть! Пешком? Или на пятнадцатом три остановки? Пешком! А то ждать...

Я поднимался по залитой солнцем Кропоткинской улице. Справа черной кляксой проступала на желтой стене дома вывеска «Советский комитет защиты мира». Все правильно. Дальше должна быть школа. Потом что-то вроде простенькой кафешки, а напротив, точно, м-м... Ленинский райком партии, что ли. Ну да. Вот и он. С мемориальной доской Денису Давыдову. Все как было во времена моей юности. Чушь какая-то. Я что, спьяну переместился в прошлое, что ли?! И как вы все это представляете?! Так, так... Что так? Бред! Но бассейн «Москва», газировка на Кропотке, булочная на углу.

– Что-то ты совсем плох! – забеспокоился Виталик. – Ладно, садись вон на лавочку у «Молока», я один быстрее смотаюсь.

Я устало бухнулся на лавку возле молочного магазина. Здесь около клумбы был тенок. Что же происходит? Если я здесь, а кто тогда там? Стоп, а я же должен быть и здесь. Ну да. Вот бредятина. Надо же, допился. Есть же какой-то рассказ Брэдли или Гаррисона про путешествие во времени. Типа, ни под каким видом нельзя встречаться с самим собой. Иначе аннигилируешься. Я не выдержал и хрюкнул. Ага! На лавке напротив валялась газета. Встал, посмотрел. Это была «Вечерняя Москва». За 18 мая 1979 года.

– Вот, вот он я! – замахал рукой издали запыхавшийся Виталик. – Люськи не было. Пришлось идти в подвал к Славке. И переплатить полтинничек, по три пятьдесят вышло. Это ж на целый рупь дороже! Это ж за две – семь рупчиков, а после одиннадцати мы бы почти три купили, по два сорок две-то! Если бы ты тут не умирал, хрен бы я у него чё купил. Еще бы и в морду сунул. За хамство. Это же надо, со своих брать! Жлобья! Но стакан дал. И закуску.

Отступив чуть вглубь Кропоткинской улицы, мы уселись на скамейку со столиком. Друг против друга. Врытые по бокам железные балки обильно обвивала буйная чепухень, создавая иллюзию беседки. Убежища.

– Ну, поехали! – Виталик плесканул три четверти стакана густо-сизой жидкости под названием «Портвейн ереванский».

Портвейн был настоящий. За это я могу поручиться. Не знаю, как там скачки во времени или глючные сны, но портвейн был настоящим! И плавленый сырок с перчиком на этикетке тоже.

Винище обильно разливалось по организму, грубовато, но приятно лапая внутренности. Что же со мной происходит?! Вот сижу на лавочке на Кропоткинской улице, жру портвейн с каким-то Виталиком, а вокруг живет, прыгает воробьями, шуршит шинами «Волг», дразнит резко-тягучим запахом портвейна 1979 год, что ли? Моя юность? Я же школу закончил в семьдесят девятом году. Точно! Так... Если сейчас 19 мая, где я должен быть? Фу... Надо же так допить! Какой я? А такой. Некий мальчик «Я» должен, по идее, быть в школе. Если сесть отсюда на 15-й троллейбус в сторону Пушкинской, то через десять минут он привезет меня к школе, где я маленький пишу какое-нибудь дурацкое сочинение. Или... А мы учились тогда по субботам? Не помню. Ка-ка-я хрень!

Я опустил руку под стол, достал бутылку и плесканул в стакан еще.

– Во... – оскалился Виталик, – оживаешь, сам в стакан попадать стал...

– Сигареты есть? – я выдохнул портвейновую вонь. Хотя нет, не вонь. Вкусный портвейн-то. Даже чуть с вишневым привкусом, напоминает французские наливки, на днях принимал, по восемьсот с чем-то... На днях! В каком году? Вот ужас-то! Где же я есть? Тут, в семьдесят девятом, жру портвейн или там, у себя, французскую отраву глотаю? Глотал, в смысле. Как глотал? Получается, наоборот, я не глотал эти наливки пару дней назад, а еще буду их глотать через ...надцать лет, что ли?!

– Вот с сигаретами бэ-дэ, – Виталик виновато полез в карман, – киоск закрыт, пришлось в «Союзпечати» брать это говно кубинское. С витрины прям.

Он достал сине-бело-золотистую пачку Ligeros с криво наклеенной белой бумажкой, на которой слабо проступали выцветшие чернила «20 коп.». Я сунул в рот сигарету и ощутил на губах знакомый сладковатый вкус кубинской бумаги из сахарного тростника. Точно!

Вот тут-то я вздрогнул и начал верить в реальность невообразимого! А... Несись все конем! 1979 год? Да и хрен с ним! Как попал? Да не знаю. Тогда и не вякай, принимай все как есть. А могли бы и динозаврам кинуть. Там бы ты не жрал портвейн с Виталиком, а, наложив в штаны, скулил от страха где-нибудь под древовидным папоротником.

– Ну совсем оживаешь! – засуетился радостно Виталик. – Я тоже! Вторая пошла?

Я кивнул. Он деловито начал откупоривать вторую.

– Дело есть! – разливал он «Ереванский». – У меня брательник в Апрелевке работает на «Мелодии». Приволок Пугачиху, альбом последний, двойной, десять штук. «Зеркало души». Мне насрать на нее, как понимаешь! Я «Папл» люблю, но по пятнашке, а то и по двадцатке улетает, прикинь! Надо скинуть. У «Мелодии» на Калининском... Поможешь? Половину брательнику, половину нам, а, Сидор?

– Я не Сидор!

– Да какая разница: главное, человек хороший! Сейчас добываем, я домой заскочу, я тут рядом, в Коробейниках, живу. И вперед!

Портвейн веселился в голове.

Главное, не ляпнуть, что я как бы не отсюда.

Что будет «а то...», я старался не думать. Будь что будет, да и хрен с ним. Интересно, а меня «там», ну, в моей жизни, уже хватились? Блин, «моей жизни»! А это тогда что?! Не моя?! Не... Лучше не думать об этом. Хотя бы пока.

Виталик мухой сбегал домой за дисками, и вскоре мы шагали арбатскими переулками напрямик к Калининскому проспекту. Я поймал себя на мысли, что прекрасно знаю дорогу, где срезать, где через проходняк проскочить, а ведь у себя, там, ох, не знаю. Сейчас же все перегородили, везде заборы с охранниками ублюдочными, проходные подъезды из-за жулья и террористов заколотили напрочь. Козлы.

Утренняя субботняя Москва была просторна и наивна. Казалось, что этот город семьдесят девятого года – еще девушка. Это лет через двадцать пять она упадет в глухой и крошечный блуд, продавая свое тело оборотистому хамлу и прочему хламу, для которых слово «Москва» – это только фантастический по доходности рынок недвижимости и рекламы. А пока все было светло и чисто. И вывески на магазинах были какие-то человеческие – «Хлеб», «Молоко», «Продукты».

Справа уже нарисовался Новоарбатский гастроном, обязательно зайду потом, там в те годы продавали вкуснейший кипрский мускат «Лоел». Деньги на Пугачихе сделаем и хряпнем мускатика!

На противоположной стороне Калининского проспекта я уже заметил задумчивых особ, уныло, но со значением переминавшихся с ноги на ногу у магазина «Мелодия».

Увидев меня, унылая особа у магазина оживилась, смотря откровенно в противоположную сторону, как бы невзначай заметила:

– Что есть? У меня флоид, дак сайд, юговский, недорого отдам, и бони эм, свежак, полидор, родной, шестьдесят, найтфлайт, новье.

В переводе с тогдашнего это означало: группа Pink Floyd, пластинка «Dark side of the moon», югославская лицензионная перепечатка с фирменного и настоящий, фирмы Polydor, альбом ансамбля Boney M. «Night flight to Venus» за 60 рублей. Огромная сумма, но альбом-то только вышел. Но все равно, ползарплаты среднестатистического советского гражданина.

– Так, у тебя что? – продолжал шевелить губами индивид.

– У нас ерунда всякая, Пугачиха, «Зеркало души».

Собеседник скривился.

– И почему?

– По двадцатке! – твердо сказал я, хлопая по карманам, вспомнив, что должны были оставаться сигареты. Наконец нашел начатую пачку Gitanes. Закурил.

– О! Фирму куришь? Классные сигареты... Штатовские?

– Да ничего... Французские. Ну че, Пугачиха-то?

– Пугачиха... Это надо лохов искать. Давай чейнж? Я отдаю свой Флоид, а ты мне две Пугачихи? А че – отличный чейнж!

– Зачем мне твой Флоид, да еще юговский – мне башли нужны!

– Башли... Башли... А вот если две Пугачихи по пятнашке и твоя пачка сигарет?

– Да ты чё?! – я посмотрел на Виталика. Он задумчиво разглядывал редкие барашки облаков в динамовской раскраске неба и отчаянно кивал обоими глазами.

– Ну, хрен с тобой, давай! – Я хотел открыть хозяйственную сумку Виталика, но мужик аж с лица взбледнул.

– Ты чего? Появжут же. Тут же столько кругом... комитет... Иди за мной и не оборачивайся. Пока я не скажу.

Мы прошли насквозь какой-то переулок, дважды свернули и остановились на детской площадке.

– Ну, показывай, – осмотревшись по сторонам, сказал парень.

– Что?

– Что, что? Пугачиху свою! Вдруг диск попиленный или еще говно какое...

– Нет, нет, – вступил Виталик. – Прямо с «Мелодии» брат таскает.

Пока фарцовщик придирчиво осматривал диск, вынимал его из полиэтиленового пакета и, держа его на пальцах рук, как официант поднос, вынюхивал поверхность черного зеркального винила, я стоял и покуривал.

Утренний портвейн оседал вниз и практически рассосался в организме. В голову острожно, по-воровски закрадывался здравый ум. Что же все-таки происходит? Как я, вроде в памяти, ну почти в памяти, скажем так, стою здесь, рядом с Калининским, и тридцать с гаком лет назад торгую первой пластинкой Аллы Борисовны? И там, в моем времени, что происходит? Меня ищут, или кому я нужен, поразительно дурацкая ситуация. Ситуация?! Да это переворот вселенной! Практически Второе пришествие. А вдруг и правда оно? Может, вот так и начинается? Я мотнул головой.

– Беру, – запихнул диск в альбом парень и полез за деньгами. – И сигареты давай!

Немного поколебавшись, я протянул ему пачку. Там не хватало штук шести, на взгляд.

Почему-то эти дурацкие сигареты казались мне последней ниточкой, неким связующим звеном между мной и тем миром. Тем? Господи, я уже называю мой реальный мир – «тем». Тем светом. А сейчас что это? Этот мир? Или тот свет?! Жесть какая.

– Занятно. Никогда такой пачки не видел. Стоп. А почему по-русски написано?! К Олимпиаде, что ли, наши выпустили, по лицензии?

– Да нет. Родные. Французские. Спецвыпуск. Для русских эмигрантов. Их же еще после революции там полно болтается.

– Во как... – уважительно протянул парень, аккуратно кладя пачку в особый кармашек на сумке. – Никогда такого не слышал.

Через несколько минут мы уже шагали с Виталиком в Новоарбатский гастроном.

– Вишь, как здорово покатило! Я говорил, я говорил! Так... Пятнадцать – брательнику, как договаривались, на остальные гульбанам!

Через несколько минут, вырвавшись из кутерьмы гастронома, нагрузившись кипрским «Лоселом» – ах, как замечательно на него попали, – мы уже топали в сторону Никитских ворот.

Там есть один дворик, где я любил выпивать в молодости. Интересно, но архитектура, даже самая невзначайная и невзрачная, даже увиденная по пустяковому случаю, по зарубкам в мозгах намного превосходит людей. Те, с кем я когда-то пил, о чем-то говорил, спорил вот в этих развалюхах дворов, давно исчезли из памяти, а очертания местности, рисунок ландшафта, торцы домов, расположение окон на стене остались в мозгах навечно.

И еще почему-то, что здесь пили. Ну там – портвейн «Карданахи», а вот там, у особнячка – вермут шел «Гельвеция», венгерский. Вот удивительно! Столько времен прошло, именно времен, а не времени, а загогулины мозгов цепко, как ворсинки липучек, держат эту чепуху в сознании. Архитектура и бутылочные этикетки – вот поводьры моей памяти. По ним, как по следам, можно выйти к теплу, к жилищу, и там уже память развернется во всю ширь, выливая грозди радости и юношеской глупости.

– ...а нужна она мне, как пингвину грибы! – закончил о чем-то бубнить Виталик и нака-тил еще по полстакана «Лоела». – Сладковат. А так ничего. Бабское, конечно, поило, но ничего. И куда рванем?

– Да по...

Третья глава

Утренний чай казался тряпочным и радости не приносил. Игорь часа два уже никак не мог заснуть. То замирал у телевизора, то зачем-то начинал бриться, то вдруг бросал все и полз на кухню. Глотать воду. Иногда останавливался у окна, взирая, по-другому и не скажешь, именно взирая, на пыжащиеся и фыркающие автомобили, упорно сопевшие на Ленинградском шоссе. Еще минут сорок у него занял визуальный осмотр пары молоденьких шлюшек, уныло топтавшихся внизу у подземного перехода. Одна была небольшого росточка, с громадными, рвущимися на волю сиськами. Другая – высокая, в панамке и без телесных излишеств. На ярком утреннем солнце их фигуры отбрасывали вдоль трассы странные, длинные тени, жутко похожие на хрестоматийные силуэты Санчо Пансы и Дон Кихота. Медленно и беззвучно пересекавший небо самолет заставлял усомниться в существовании закона всемирного тяготения.

Последнее время с похмелья его одолевали... нет, не головные боли, это уже пройденный этап, его охватывало состояние недоуменной растерянности, переходившее иногда в отчаяние. Типа – ну нахрена это все... и почему именно я... и что из этого вытекает... А так как мозгой он понимал, что ничего из этого не вытекает, что надо просто менять образ жизни, то расстраивался еще больше. Короче, ходил ушибленный почти пару суток после банальной пьянки.

Обычно Игорь сваливал все на всеобщий маразм, на магнитные бури, на издержки совести, на все подряд, но, скорее всего, банально давал о себе знать возраст. Через три недели ему исполнилось сорок девять лет. Почти полтинник. Игорь все время вспоминал отца, академика, историка, как там... «и просто хорошего человека». Именно этой дурацкой фразой почему-то заканчивали речи почти все приглашенные на похороны. Отец и правда был замечательным. «Да не в этом дело, – опять мелькнуло в голове, – вот когда отцу был полтинник, так недавно вроде был тот банкет в ресторане на Речном вокзале, он был вполне солидным человеком, обвешанным всякими званиями-регалиями. А я... И друзья у него были люди достойные, приличные. А не раздолбаи типа Николаши!» – подытожил Игорь и отправился на кухню глотать минералку.

По всем правилам утреннего похмелья в этот момент раздался телефонный звонок.

– Все личные цели – невротичны! – твердо заявил голос Николаши в телефоне. – Как там у Северянина... – А потом похмелялись, похмелялись грозиво... Выползай, короче, тем более суббота на дворе.

Игорь поперхнулся в трубку.

– Нет. Да ты че?! И не умею я похмеляться совсем, ты же знаешь, я ж просто продолжаю жрать дальше. И все. Это ж работяги могут с утра сто пятьдесят, чтобы руки не шалили, и к станку. Я так не умею. В запой ухожу. Ну его в баню.

– Згя, батенька, згя! – прогнусавил Николаша и повесил трубку.

«Вот организм! – Игорь опять пошел зачем-то в комнату. – Лошадиный, нет, даже слоновий, нет, игуанодоний. Жрет и жрет! И еще что-то писать умудряется. И ведь иногда даже не совсем плохо».

Игорь остановился у журнального столика и подвинул открытый ноутбук к себе. И начал заново читать присланный Женькой роман. Что-то он помнил со вчерашнего дня, но прыжками.

«Проснулся под кремлевской стеной, вот бред, попал в семьдесят девятый... – он попытался закурить первую утреннюю сигарету. Голова пошла кругом, и он резко сел на диван. – Как бы вот еще с курением завязать».

Творчество психов его никогда особо не привлекало. Ни в живописи, ни тем более в литературе. Были, конечно, исключения типа Эдгара Аллана По или Ван Гога или фанатично

любимый им в юности Велимир Хлебников. Но эти люди были гениями и без санитаров. Сами! А те индивиды, которые, попав в дурку, сразу начинают малевать крестики с ноликами, вызывали у него аллергию. А еще больше раздражали его ценители прекрасного, которых восхищала эта муть.

«Кстати, контингент этих искусствоведок и критикесс, как правило, составляют незамужние или разведенные еврейские дамы от двадцати пяти плюс бесконечность. Вот они-то как раз морочат голову обществу вполне сознательно. Сечь их надо. Прилюдно! На Красной площади! Хотя нет, они все извращенки, может, для них это самый кайф. А потом они под собственную порку какую-нибудь художественную акцию придумают и еще бабла загребут. Типа перформанс. Нет. Не так. Нужно пороть на льдине полярной ночью посреди Охотского моря. Тайно. В безмолвной тишине. Лыдина, ночь, голая жопа в перекрестье прожекторов... И только свист розог. И простодушные тюлени от ужаса увиденного, закрывая лапами глаза, с инфарктом миокарда камнем падают на дно Ледовитого океана. Нет. Как-то уж чересчур. Михалков какой-то. Не знаю даже. Но должно же общество как-то на них реагировать! Что-то я с утра судьбами человечества озабочен, – Игорь снова попытался закурить. На этот раз чуть более удачно. Он продолжал читать присланный роман. Чем-то этот текст ему нравился. Чем – он пока не понимал. – Я тоже закончил школу в семьдесят девятом, да, в семьдесят девятом... Стоп. Стоп! Я же помню эту Люську из углового гастронома на Зубовской площади, ну да! Жаба такая очкастая, с сиськами пятого размера, на кассе сидела! Точно. Сука редкостная», – ошарашенный Игорь встал, голова сразу пошла колесом, и он опять бухнулся в кресло.

Игорь неожиданно разволновался. Та эпоха конца 70-х – начала 80-х, точнее, не эпоха, а кусочек жизни, связанный со школой, институтом, бесконечными гуляниями по центрам, любовями, портвейнами, – все это давно была его личная, запретная для чужаков территория. В которую не позволялось вторгаться никому. Он слишком любил то время. Иногда он мог часами, как алкаш спрятанную заначку, выискивать в памяти обрывки картинок тех лет и, найдя что-то давно забытое, тихо радоваться, ревниво оберегая находку от посторонних взглядов.

Он и себе-то не часто разрешал вспоминать подробности тех счастливых лет. Да, те годы казались Игорю, наверное, самыми счастливыми в жизни. Жизнь была впереди, каждое утро дарило новые открытия и надежды. Бутылки, как и деревья, были большими, люди – добрыми и благородными, а девушки несли в ладошках пригоршни счастья и, радостно смеясь, разжимали руки над головой Игоря.

Хемингуэй писал, что счастлив тот, кто в молодости побывал в Париже. Игорь мог совершенно искренне повторить за ним – счастлив тот, у кого детство и молодость совпали с эпохой брежневского СССР. И сейчас, в XXI веке, это стало ну совсем очевидно!

И Союз был целым и невредимым. Кстати, развал страны и подтолкнул к смерти его отца. Косвенно. Хотя почему косвенно? Впрямую. В конце девяностых на одном семинаре он столкнулся с грузинским историком, своим любимым учеником. У которого всей семьей они много раз отдыхали в Тбилиси. Тот публично заявил, что русские двести лет угнетали его свободолюбивый народ и что, если бы не Россия, Грузия бы давно по уровню жизни сравнялась со Швейцарией! Этого отец уже перенести не мог. В институт вызвали скорую – сердце. Потом забарахлили легкие. Как выяснилось позже, рак, короче, отец на работу после этого так и не вышел. И через год умер.

«Да, время... – Игорь опять закурил. Читать роман нравилось. Но голова не варила совсем после этого Николаши. – Все. Пусть с кем-нибудь другим жрет! Или об одного. Ему по клавишину уже, где и с кем пить! Да, время тогда было...»

Он до сих пор не мог всерьез принять развал страны. То есть башкой-то он соображал, внутри – нет.

И все эти президенты Молдавии, Грузии, Латвии, Украины казались ему плюшевыми зайчиками и мишками. А новоиспеченные государства выглядели какими-то невзаправдашними. Очень похожими на настоящие, очень похожими, но все равно игрушечными. Как в свое время прекрасная гэдээровская железная дорога, привезенная отцом из командировки. Там было все. И стрелки звенели, и паровозики носились по путям, и окошечки в вагончиках с занавесками. Даже фигурки пассажиров выглядывали из купе. Только это все равно забава для детей. Вот и эти государства казались Игорю дорогими игрушками, очень дорогими и быстро ломающимися.

Игорь опять встал и, пошатываясь, пошел на кухню. «Да, очень интересно, что же это за человек, который помнит Люську из уголовного и дебильного Славика из подвала. Интересно. Значит, либо учился в те годы в инязе, как и я... Кстати, почему обязательно в инязе?! Тогда в том районе болтались и студенты педа, Ленинского, он рядом, на Пироговке, и ребята из Стали и Сплавов, на Октябрьской был институт. Да мало ли кто! Из медицинского, тоже недалеко... И почему обязательно студенты?! Там контор всяких уйма была! Интересно. И почему как-то обрывается текст?»

Он промотал на экране вперед. Продолжение есть. «Это хорошо. А вообще, тема... Попасть в семьдесят девятый... Это не то что мечта, это больше! Хотя зачем?! Ну как зачем...»

Опять затыкал телефон. «Блин, Николаше, что ли, все неймется?»

– Привет.

– Привет, Полин. – У Игоря сразу и резко похолодело внутри, и он повторил: – Здравствуй, Полин.

Уже пять лет Полина была замужем. Почти пять, точнее. Отношений не было никаких давно. Да, в принципе, и до ее замужества их тоже не было. Такое бывает. Теперь у нее семья, девочке, тоже Полине, шел второй год. Но Игорь понимал: если он кого-то любит в жизни, так это ее. И тут уже вопрос о целесообразности, невозможности, наивности отпадает. Они были знакомы уже шесть лет. И ничего не было. Не говоря уже про банальный трах, не было и походов в кино, не было гуляний под луной и прочих всяких глупостей, так утешающих идиотскую жизнь человека.

Секс хорошо иметь с тем, с кем хорошо и без секса. Эту дебильную фразу он случайно увидел в нете. Автор неизвестен, но сейчас все подобного рода фразы почему-то приписывают Маркесу. Наверное, в свое время нечто подобное выдавали за афоризмы Хемингуэя. Интересно, а до этого? Причем писатель должен быть обязательно иностранный. Если ткнут в рожу, что не писал он ничего подобного, всегда можно свалить на трудности перевода. Но фраза-то реально правильная. Хотя Игорь терпеть не мог слово «секс». Оно казалось ему каким-то техническим, стерильно обезличенным. Взятый из инструкции по пользованию электрической лампочкой. Но все равно очень точная фраза!

Полина звонила очень редко. Два-три раза в год. Примерно. Или меньше. Игорь сам не звонил ей никогда. Он ей писал. Много. На электронную почту, даже посылал обычные старорежимные письма домой по старому адресу. Иногда посылал эсмэс дурацкие. Но строго в будние дни и днем. Пытаясь сохранить хоть видимость своего понимания ее семейного статуса. Все-таки семья у нее. «Тем более, – всегда думал Игорь, – а что я вот ей могу предложить? Если вот завтра мир перекочевряжится и она уйдет от мужа к нему? Себя?! Прямо скажем, невелика находка! А дальше? А дальше тишина.

Да, так что жопа. Постоянной работы у меня нет. Так, переводы приятели подбрасывают, статейки публикуют. Жить можно. Но сложно. Семейей на это не выжить. А у нее... Сейчас и квартира, и дочка чудесная, и муж какой-никакой! Кстати, почему какой-никакой?! Наверняка нормальный. И уж лучше меня, тем более! Раз она его выбрала. Все есть. И менять это? На что? Просто у меня не было никогда человеческих отношений с женщинами. Поэтому я инстинктивно тянусь сейчас к женщинам, отношения с которыми невозможны. Типа, хоть так,

другого не будет. Я и не знаю другого. В свои почти... Даже и не хочу думать, сколько почти! И потом, ей сколько сейчас? Двадцать восемь – или двадцать девять? Да все равно! А мне... Да я для нее практически старик и море!»

Игорь вдруг вспомнил. Да. Это была зима. Конечно, зима. Когда он ее впервые внятно увидел. До этого они пересекались много раз, два раза – это и правда много. Иногда. Но это было не то. А тогда увидел ее идущей по редакционному коридору. Длинному, чуть тусклому, почти больничному. Она была в белой шубке, и иней, именно иней, на распущенных волосах. И она как-то виновато, словно извиняясь за такую красоту, улыбалась. И шла ему навстречу. Когда Игорь увидел, увидел ее издали, почему-то съёжился от этого великолепия и вместо того, чтобы шагнуть навстречу, забежал в первый подвернувшийся кабинет, прикрыл дверь и, замирая, в щелочку смотрел, как она проходит мимо. А она искала взглядом исчезнувшего его и не находила.

Все-таки у нее поразительно сочетается внешность и имя! С ее мягкой угловатостью, темно-русой челкой, ну не может она по-другому называться. Только Полина. Где только ей имя-то такое откопали.

– Как ты?

– Да нормально, Полин. Как младшая Полина? Я совсем не знаю всю эту фигню детско-возрастную. Темный лес. Когда они ходить-говорить начинают?

– Вот женишься, родишь и узнаешь! Да у нас все в порядке! Говорить нам еще рано! Но орать самое оно! У меня вообще мечта отоспаться! Но, видимо, это произойдет, когда я ее замуж выдам!

– Замуж?!

– Ну да. Думаешь, до этого далеко? Нифига!

– Ну ты даешь! У тебя размах мысли! Замуж...

– Да время быстро бежит, Игорь. Я вот сидела-сидела, думку думала. Можно ли исправить ошибку, которая, как кажется, сломала твою всю жизнь? Ведь время вспять не повернешь? Нет. Но ты живешь и знаешь, что ошибся. Причем не в размере туфель, а по-крупному. И что же делать? Прожить до конца и знать, что в таком-то году в такой-то день ты сделала то, что испортило всю твою жизнь. А все! Заново уже тот день не переживешь! Так и тронуться недолго. Или все-таки судьба умнее нас. Или все-таки есть кто-то, кто руководит нашими ошибками и удачами, и, если мы ошибаемся, значит, так и нужно, и главное – без этого никак нельзя было обойтись.

Замерев, Игорь слушал ее голос. Таких слов от Полины он не ожидал. Он понимал, что надо что-то ответить, отреагировать, поддержать, что ли, ее, но в чем и как? Он и боялся спугнуть, нарушить неверным словом ее откровения и мучился сам от своего молчания.

– Ты меня слушаешь?

– Конечно, конечно.

– Вот о чем я думаю. Но я не горюю, а просто размышляю. Ты, главное, не принимай близко к сердцу. У меня все хорошо. Это я просто. Думаю. По девичьей глупости. Все хорошо, – повторила Полина и повесила трубку.

Игорь зачем-то встал и зашагал к холодильнику. Открыл, внимательно посмотрел внутрь. Закрыв и вернулся в комнату. Сел.

«Что получается? Значит, Полина хочет отношений со мной? Как это? А муж? При чем здесь муж. Или не хочет? Или просто так все это? Или не просто? Или такие вещи абы кому не говорят? А что мне делать после этого? Надо что-то делать. А что? Или ничего? Нет. Что-то надо. Я ведь этого хотел. Хотел? Хотел. Хрень какая-то. Что делать-то...»

Дурацкое похмелье, звонок Полины, общая неустроенность и глупость жизни разом навалились на него. Как-то в период очередной депрессии он выдумал для себя теорию. Женщина – как оправдание его бестолковой и идиотской жизни. Наделаны миллионы глупостей, тупо-

стей, о некоторых вещах Игорю вообще было противно вспоминать, но все это можно оправдать, даже искупить появлением настоящей любви. То есть вся эта вереница тупейших ошибок обретает смысл и становится лишь путем к любви. К женщине. Именно той. Тогда жизнь оправдана. Тогда все имеет смысл.

Часто он очень явственно представлял себе одну картинку. То ли это приснилось, то ли просто сложился образ такой, но он видел пригорок, может, даже холм на изгибе реки или озера. На нем сидит девушка в платье. А он лежит и, положив голову ей на колени, смотрит на воду. Но сколько он ни всматривался в этот образ, не мог уловить лица той девушки. Фигуру видел, видел четко окрестности, деревья, цвет воды, рисунок ее платья, а лицо – нет. Оно переливалось, постоянно меняясь. Иногда это была именно Полина, иногда одна его знакомая Наташа, но чаще всего и вовсе незнакомое лицо. Однажды он рассказал о виденье Полине, она засмеялась и резко ответила:

– Я так и думала, тебе нужны не живые женщины, а фантомные персонажи, типа Мэри Поппинс!

Он тогда сильно обиделся. Фантомные...

«Мой „Фантом“, как пуля быстрый, в небе голубом и чистом быстро набирает высоту... – вспомнились дурацкие слова из детской песенки. – Какой это был год? Наверное, пионерский лагерь, где еще было можно такую белиберду подцепить. Наверное, начало семидесятых. Тогда же война во Вьетнаме была. Да, похоже. Что там дальше-то... Мой „Фантом“ не слушает руля... Ля-ля. Что-то про голопузых вьетнамцев. Какая дурь».

Да, Полина... Их отношения были беспцельны и тупы, как соло на геликоне. Труба такая здоровенная, вокруг тела... Карабас-Барабас на такой играл. Пум. Пу-ум. Пум. Пу-ум. Пум.

Кто же добровольно признает, что пропустил свою любовь и ее больше не будет? Пу-ум. А он продолжает чего-то ждать. Чего-то смутного, необъяснимого и тревожного. Что вдруг все изменится. Пум. Что именно, как и в какую сторону должно измениться, он не представлял. Пу-ум. Но обязательно должно вот-вот случиться. И все будет хорошо. Пум.

«Мой „Фантом“, как пуля быстрый... – повторил Игорь. – Интересно, что там все-таки в припеве? Интересно, как мне реагировать на слова Полины? Интересно, скоро этот бред закончится? Или не закончится никогда?!»

Четвертая глава

«Несколько дней одного года»

День второй

Я открыл глаза. Надо мной нависло огромное, по самые глаза заросшее шерстью лицо. Глаза были внимательные и добрые. Лицо распахнуло здоровенную пасть с желтоватыми айс-бергами клыков. Я инстинктивно зажмурился, но в последнюю секунду успел увидеть громадный, с небо, фиолетово-черный язык. В ту же секунду что-то мокрое и шершавое прошло по лицу от подбородка ко лбу. Когда я осторожно через минуту открыл глаза, никого вокруг уже не было.

Я лежал на голом матрасе с подушкой и одеялом. Утренний свет наотмашь бил в пол. От солнечного удара медленно поднималась в воздух пыль. В небольшой комнате наблюдался стол, три стула, едко-коричневый шкаф, разобранный диван и телевизор. Наверное, «Рубин».

Да нет, точно «Рубин». У меня такой же долго-долго стоял на холодильнике. Неработающий. Только пару лет назад собрался и выкинул.

Аквариум с рыбками и подсветкой около окна свидетельствовал если не о интеллигентности хозяина, то хотя бы не о полном его раздолбайстве. Рыбки, они иногда хоть какого-то ухода требуют. Тем более, подсветка. Заботится.

Вдруг, вздрогнув, совершенно явственно я увидел себя как бы со стороны. Кадры вчерашнего дня. Провалы в памяти заменялись склейкой ленты. Казалось, я даже слышу таракшие проектора, вертящего на глазном дне мне эту муть.

Господи! Неужели все это правда? Где я сейчас? В каком времени?! О господи... Зачем мне все это... Так. Смотрю. Взгляд медленно шел от пола через почти осязаемую колонну пыли, подпирающую потолок, к подоконнику, через скаты крыши в окне, правее, правее, через плакатик, скорее всего, из немецкого «Браво» с Яном Гилланом из «Дип перпл», и уперся в отрывной календарь. За окном ветер зашумел листьями, чуть шевельнулась страничка. На ней красными буквами было написано: 20 мая 1979 года. Воскресенье. Я зажмурился.

– Это просто сон такой, – неожиданно твердым голосом сказал я. – Сейчас я открою глаза и... Раз. Два. Три.

Еще сильнее сжав веки, резко открыл глаза. В дверном проеме стоял Виталик. Одной рукой он прижимал к животу трехлитровую банку, в которой покачивалось и пузырилось пиво. В другой была авоська с бумажным свертком, из которого торчал обиженный рыбий хвост. Лицо выражало спокойное счастье.

– Подъем! Труба зовет! Пиво пришло.

Ага. Значит, я у Виталика дома. И видимо, в Коробейниковом переулке. Ну и хорошо. А что еще сказать?

Покрытый клеенкой квадратный стол напоминал арену для гладиаторских боев. Победенную и распластанную скумбрию триумфаторы раздирали на части. Растерзанное тело половинки черного хлеба еще не сдавалось, но было ясно, что и ее минуты сочтены. Кружки, свистнутые в ближайшей пивной – а ближайшей, судя по всему, была знаменитая инязовская забегаловка «Корпус Г», – соблазнительно пузатились пивом. Казалось, что если бы у кружек были руки, то они бы сейчас самодовольно почесывали свой булькающий пивной животик.

– Чем сегодня будем радовать милую душу? – еще раз, шумно, через кадык, глотнул пиво Виталик.

– Не знаю, – я пожал плечами. Мысли, наложившись на два дня пьянки, клубились, змеючились, но ничего внятного не выражали. Что мне делать-то, как жить, очутившись в 1979 году у какого-то Виталика, куда обращаться? В милицию, что ли? Помогите, я из будущего! Ага.

– Тебе на работу надо?

– А как же! – Виталик наливал пива из банки. – У меня завтра утром смена. Репетиция.

– В смысле?

– Монтировщик сцены. Театр Моссовета, малая сцена. Знаешь, там, на Комсомольском, за углом?

– Где кафе «Маринка»? – неожиданно дернулась память.

– Точно! А ты? Работаешь?

– Над собой, – вспомнил я юношескую присказку.

Виталик кивнул, вполне удовлетворенный ответом. За окном протяжно ударил колокол. Я вздрогнул. Конечно, это у Ильи, там, в Обыденском переулке, совсем рядом. Храм же работал тогда. Его вообще при Советах ни разу не закрывали. В это же мгновение в дверь комнаты кто-то треснул. Собственно, этим ударом и открыв ее. В проеме стояла женщина в белесых сатиновых трениках. Из-под которых торчали тапочки в крупную голубую клетку со смятыми задниками. Мятые волосы были наспех собраны в пучок.

– Не нужны мне «Жигули», не нужна и «Волга», мне бы хрен с телячьей ногой и стоял чтоб долго! Виталик, хер лысый, дай трешку! До завтра. Зарплату в пятницу не дали, – свернула четыре предложения в скороговорку дама.

– Повезло тебе, Ленк. Пивка? – Виталик встал из-за стола, подошел к дээспэшному шифоньеру. Гадко скрипнув, открылась дверца, взметнув в лучах солнца гейзеры пыли. И я увидел свое отражение во внутреннем зеркале шкафа. Это было непонятно что. Скрюченные плечи испуганного человека. Из-за трехлитровой пивной банки лица не было видно вовсе.

Он долго рылся и наконец вытащил из-под маек-трусов новенькую синюю пятерку.

– Держи пять. А то потом все равно придется.

При виде денег Ленка преобразилась. Лицо просветлело. Синяки под глазами порозовели и не так резко оттеняли бледно-голубые глаза. Даже треники вдруг обозначили остатки фигуры. Я понял, что не так давно это была очень красивая девушка.

– Пивка...

Виталик достал из того же шкафа с трусами еще одну кружку и плеснул туда пива.

– Знакомься. Лена. Моя соседка. А это Сидор.

Ленка кокетливо отхлебнула. Какие могут быть споры по утрам, что никакой я не Сидор! Я уже просто кивнул головой.

– Сидор... – нараспев протянула Ленка. – Очень приятно. Не обращайтесь внимания на меня. Я сегодня малофизиологична. Сидор... А какую музыку вы любите, пумм-пумм-пумм или тыц-тыц-тыц?

– Ленка, не ля-ля человеку мозги! – улыбался Виталик, разливая остатки пива.

– Нет, ну правда! Это же дивно интересно... – продолжала игриво улыбаться Ленка.

– Отстань, видишь, у человека важный физиологический процесс. Похмеляется.

Виталик глотнул еще пива. Задумчиво встал и начал шастать по комнате, как белка, неожиданно потерявшая колесо.

– Нашел! А я думал, спьяну померещилось! – из-за дивана, где шебуршал хозяин квартиры, неожиданно взвилось облако пыли, словно там сидел кит, ну маленький такой, и пускал фонтанчики пыли. Затем вынырнула улыбка с гниловатыми зубами моего приятеля, далее

непостижимым образом появилась рука с бутылкой «Лоела», а уж потом появилось тело самого Виталика. Этакая пьяночеширщина.

– Представляешь, снится сон, что у нас осталась бутылка! Я понимаю, что не должна. Но снится. Я утром в сумку! Нет. Ну, думаю, алкоголизм. А сейчас! Раз! И есть!

Ленка уже деловито скрипела шифоньером, доставая оттуда два граненых стакана и чашку. С отколотой ручкой и выцветшими омерзительно салатного цвета буквами «Береги честь смолоду».

– Тронулись? – ощерился Виталик. Я обреченно кивнул головой и поднял наполненную сладким вином чашку. А что прикажете делать? Постоянно думать, что я трехнулся?

«Ай, да ладно. И так страшно», – мысленно плюнул себе на голову, накатил вторую дозу.

Мы шли в лучах восходящего солнца. В лица, просветленные от утреннего вина, мягко дул ветер. Мы шли в поход за радостью. В магазин за портвейном. Коробейников переулок казался нам светлым и чистым, как предсвадебные трусы. По случаю воскресенья в пивной справа даже не толпился народ. Было непривычно тихо и поэтому более торжественно. Сам переулок казался мне желтой кирпичной дорогой из «Волшебника Изумрудного города». А мы сами – идущими за счастьем Страшилой, Элли и Железным Дровосеком. Причем, кого олицетворял я сам, понять не мог. Хотя и выбор небогат. Или-или. Наверное, все-таки Страшилу с отрубями вместо мозгов.

Встречные коты добро щурились и салютовали нам хвостами. Таракан-диссидент, обменявший сытую старость в подсобке продовольственного на волю и гибель на тротуаре, приветственно шевелил усами.

Мне даже показалось, что среди листьев двухсотлетней липы в садике перед инязом напротив магазина сидят а-ля «русалки на ветвях» четыре фигуры. Историка Сергея Соловьева, писателя Ивана Гончарова, революционера Фрица Платтена и, конечно, Ивана Сергеевича Тургенева. То есть граждан, мемориальные доски которым располагались на соседних домах. И эти фигурки в черных сюртуках радостно болтали ногами, отчего их белое шелковое исподнее временами выбивалось из-под штанов. Они улыбались. Тургенев даже достал платок и прослезился. От столь живописной картины я зажмурился и, открыв глаза через секунду, обнаружил, что дерево исчезло, остались одни фигурки, висящие в воздухе. Причем продолжающие мотать ногами и радоваться нам. Мы входили в магазин.

– Три «Кавказа», – гордо произнес Виталик. – Белых.

Продавщица кивнула. Мы загрузили бутылки в потоптанную сумку из грязной мешковины. Украшенную, а скорее, обезображенную фиолетовыми пятнами, которые символизировали лик Аллы Пугачевой. О чем свидетельствовала надпись латинскими буквами.

– На «Альбатрос»? – утвердительно спросила Ленка.

Виталик кивнул, потом посмотрел налево. На старинном доме с пухлыми полуколоннами и квадратами орнамента висела тусклая вывеска «Парикмахерская».

– Забыл. Я сейчас. Идите, догоню.

Виталик отдал нам грязную Пугачеву и метнулся назад по улице. Мы с Ленкой свернули за клумбой налево, углубились в неразбериху старомосковских переулков. И вскоре вышли к какой-то стене, где лежало огромное поваленное дерево, облокотившись на смятую решетку из железных прутьев огромного забора.

– Располагайся, Сидор, – широким жестом спутница показала на бревно.

– А почему «Альбатрос»?

– Потому что через дорогу бассейн «Чайка»!

– Логика железная...

– А то!

– Куда это он рванул? – я уже наливал девушке «Кавказ» в снятый с дерева граненый стакан, ополоснутый тем же портвейном.

– Да за книжками. Он там девкам в парикмахерской книжки впаривает. Всякие. Дюма. Или «Женщину в белом» Коллинза. Хренотень разную.

Не прошло и полбутылки, как появился улыбающийся и запыхавшийся Виталик.

– Вот он я! «Женщину в белом» вкорячил. Семь рублей!

«Да... – мелькнуло в голове. – В нашей деревне, в смысле в нашем времени, парикмахерши уже не читают Уилки Коллинза. Они вообще читать не умеют. А ведь мы тогда подсмеивались над бедными девочками, покупающими классику».

– Два портвейна и пиво, – меланхолично отозвалась Ленка. – Вот поражаюсь я, кто только эту дурь читает! Неужели нельзя покупать человеческие книжки?!

– Например? – заинтересовался я.

– Да того же Лондона или Эдгара По, если хотят иностранщину. А так читали бы Паустовского. Он же чудо как пишет! Ну или этого, за углом, – Ленка показала стаканом налево.

– В смысле?

– Иван Сергеевич. Там же дом его. Тургенева. В смысле матери.

Я уважительно посмотрел на Ленку. Как она... Виталик поймал мой взгляд.

– Да. Она у нас такая. В Литературном училась, пока не вышибли.

– Я сама ушла, – встрепенулась девушка.

– Ну да, ну да...

– А вообще, наливай, Сидор, я люблю Северянина, – и нараспев добавила: – Это было у моря, где ажурная пена, где встречается редко городской экипаж...

– Северянин пошл, – зажевал сырком Виталик. – Есенин был прав.

– Есенин хитрожопый халевщик! – отрезала Ленка.

– Да перестань. Вспомни «Черного человека»...

Мысли, уютно окунувшись в портвейн, бороздили просторы мозга.

«Почему я все время жру?! Можно подумать, ты у себя во времени трезвенник! У себя... Какая хрень. А что же здесь происходит-то. Сидят со мной на „Альбатросе“ алкаш и алкашка и тряндят о Северянине и Есенине. Непостижимо. Но все-таки, может, не пить? Ну хотя бы так интенсивно. А как?! Страшно же. Ведь где-то же по вот таким же улицам брожу я! Молодой. А вот интересно, он и я – это одно и то же или разные люди?! Ну как тут не запить!»

– Виталик, дай двушку.

Приятель вытряхнул на ладонь табачные крошки и мелочь.

– Держи.

Я шел на угол, где всегда, я знал точно, стояли три телефонные будки. Я это запомнил навсегда. В бурной молодости однажды заснул в той, что посредине. Проснулся скрюченный, как Чебурашка.

Снял трубку. Сколько же лет я не слышал этого будочного гудка. Вечность, судя по развивающимся обстоятельствам. Он особый, вбивается в память намертво.

Надо позвонить же. Ну, смелее. Я осторожно набирал номер. 452-... Он же у меня не изменился. А в 79-м я уже жил там, где живу сейчас. Сейчас?! А где я живу сейчас? Ой, да ладно.

Длинные гудки заполняли ухо. Кто может быть дома? Да все. Мать, конечно. Отец живой еще. Ха, так он практически мой ровесник. Там. Или тут. Надо срочно выпить. Нет, подожду.

Наконец трубку сняли. Сердце съежилось в точку, вытянулось в царапину, готовое сию секунду взорваться и взорвать весь мир.

Старый шамкающий голос с еврейским выговором протянул:

– Вас слушают... Алё... Говорите громче... Вам кого?

Я на мгновение задумался и назвал свое имя.

– Здесь таких нет. И никогда не было. Вы ошиблись.

– Как это?! Вы кто? – опешил я.

– А вы кто? – спросил старческий голос. – Я, между прочим, Мундельсон. Соломон Козьмич. Очень редкое отчество. Не Кузьмич, а именно Козьмич. Заслуженный работник культуры РСФСР. Диктую по буквам фамилию. Чтобы не было недоразумений. Микроскоп, улыбка, негр, декалитр, еврей...

Я бросил трубку. И прислонил голову к стеклу. Метростроевская была по-воскресному пустынна. Ровный солнечный свет наполнял улицу жизнью, хотя людей и не было видно. Я заметил, как налетевший вдруг ветерок погнал сломанную ветку липы через дорогу. Крупные свежие листья были так наполнены светом, что иногда казалось, будто они сами пускают зайчиков. Интересно, успеет ветка перемахнуть дорогу или попадет под машину. Я вдруг разволновался. Мне показалось, что это и есть самое-самое главное в жизни. Перемахнет – не перемахнет. Чет-нечет. Жизнь-смерть. Ветка уже находилась метрах в двух от спасительного тротуара, еще чуть, но по пустой мостовой наперерез ей мчался оранжевый жигуль... Я замер.

В стекло сзади постучали. Я автоматически обернулся. Там стоял Виталик.

– Дозвонился? – широко радовался жизни он.

– Нет, – ответил я и вспомнил про звонок.

– Сейчас, еще одну возьму, Ленка крутанулась. Иди к ней, – приятель потопал в сторону магазина.

Я кивнул головой.

– Это как-то слишком. Мундельсон. Надо срочно выпить. Я просто не туда попал! Ну бывает же такое.

Я шел обратно на «Альбатрос», повторяя про себя: микроскоп, улыбка, негр, декалитр, еврей...

Через пару шагов вспомнил о ветке. Обернулся. На дороге уже ничего не было. А вот на тротуаре их валялись целые охапки. И определить, какая из них моя, какая не моя, донес ее ветер до спасения или завертел в недрах «Жигулей», было невозможно.

Потом мы еще что-то пили. Потом было принято коллегиальное решение ползти в «Маринку». Зачем? А там работа Виталика рядом. В случае чего можно, мол, занять еще денег. В каком случае, было понятно, поэтому все согласились.

Потом Ленку пытались у нас отобрать какие-то парни из иняза, непонятно почему шляющиеся в воскресный день рядом со своим институтом. Один из них даже соблазнял ее югославским вишневым ликером Bosca. Но Ленка устояла, и мы продолжили колобродить втроем.

Через кинотеатр «Фитиль», где мы, заплатив за один билет тридцать копеек, послали девушку купить благородного «Московского» пива, в темненьких бутылочках по ноль тридцать три. Это был жуткий дефицит. И его продавали только в культурных местах типа театров, цирков и панорамы «Бородинская битва». Ленка вернулась из «Фитиля», обвешанная как елка юркими маленькими бутылочками. И мы с наслаждением глотали на набережной чуть горьковатую пену. Вскоре, часа через три, мы доползли до Хамовнического вала, где и располагалась наша цель. Конечная или промежуточная, это уж как пойдет.

Кафе «Маринка» было обычной забегаловкой того времени. С квадратными потертыми столами на тонких ножках. Оно выделялось из вереницы таких же бездарных заведений, во-первых, названием. Не у всяких подобных лавочек были имена собственные. Причем «Маринка» – было ее официальное имя, а не кличка, как это обычно бывает. Что придавало некую условную солидность.

А во-вторых, и это было главным, по вечерам тут была дискотека. Со светомузыкой! Посему на эти мероприятия даже продавали входные билеты. Которые представляли собой позапрошлогодние новогодние открытки с зайчиками и елочками, разрезанные пополам. От обычного мусора их отличала только размытая сизая печать не пойми какого учреждения. То ли треста столовых Фрунзенского района, то ли райкома ВЛКСМ. Стоило это убожество 2 рубля 50 копеек. Приличная сумма.

Бывал я в этой «Маринке», не часто, но бывал. В те годы. В смысле в эти годы. Мы вваливались в зал. Билеты нам никто пока не втюхивал, было рано. Дискотека-то с восьми. Несмотря на день-деньской, кафешка была заполнена народом. Надо отметить, жрали все. Так что своим взъерошенным видом мы не сильно пугали окружающих. Только чуть охнули официанты, услышав звон бутылок в «Алле Пугачевой». Виталика здесь знали как родного, поэтому ментов могли вызвать в любую секунду.

Мы бухнулись за столик. Подошел официант. В сияющей от жира бабочке.

– Славик, привет. Нам три салатика «Столичных». Ну ты знаешь. И три стакана, соответственно. Ну ты понимаешь.

– Деньги-то хоть есть? А то в прошлый раз...

– Это было в прошлый раз. Случайно. – Виталик гордо показал две смятые пятерки.

– Ладно, – лениво кивнул халдей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.